

42

Б48

Проф. П. Н. БЕРКОВ

ЛОМОНОСОВ
И
НАША СОВРЕМЕННОСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОРДЕНА ЛЕНИНА УНИВЕРСИТЕТА
ЛЕНИНГРАД
1945

„Советская молодежь должна хорошо знать жизнь Ломоносова, потому что это был человек великой научной страсти. Его самоотверженная борьба за науку была одним из проявлений героических черт великого, русского народа“. Так писала „Правда“ в передовой статье, посвященной 225-летию со дня рождения М. В. Ломоносова. „Эта страсть,— продолжает „Правда“,— была направлена на счастье трудового народа, из которого вышел Ломоносов. Родина и наука были для него неразрывными понятиями“ (18 ноября 1936 г.). В этом—сущность жизненного подвига великого ученого и поэта. Создание новой русской культуры как равноправной части мировой цивилизации, культуры, сочетающей в себе вековые традиции родного народа с лучшими достижениями передовой мысли человечества,— вот, что составляло содержание кипучей, разносторонней и плодотворной деятельности великого Ломоносова.

В наши дни, когда титаническая борьба советского народа с самыми мрачными в истории человечества силами пришла к победному, триумфальному концу, когда победа, купленная дорогой ценой благородной крови, пролитой доблестными сынами нашей страны, увенчала полный разгром гитлеровской Германии, когда всему миру очевидно, что наш народ победил силой своей великой человеческой культуры,—своевременно и необходимо вспомнить и помянуть добрым словом того гениального человека, грандиозный образ которого стоит у порога новой русской культуры, у истоков могучей советской культуры.

Ломоносов родился в ноябре 1711 г. в деревне Денисовка, Холмогорского уезда Архангельской губернии, в семье государственного (*не* помещичьего, *не* крепостного) крестьянина, занимавшегося, помимо земледелия, также рыбным промыслом; на принадлежавшем ему судне „Чайка“ Василий Дорофеев,—так звали отца Ломоносова,—перевозил грузы и ездил даже в Норвегию; по преданию, его нередко сопровождал и сын, будущий великий ученый. В начале XVIII в., несмотря на процветание недавно открытого Петербург-

ского порта, связавшего Россию с Западной Европой, Архангельск, бывший со второй половины XVI в. единственным русским морским портом, еще сохранял значение важного торгового и промышленного пункта, куда ежегодно прибывало много иностранных кораблей и где кипела оживленная, большая торговля. Понятно, что Архангельская окрестность, вопреки обычным представлениям, была в те времена не глухим захолустьем, а, напротив, обладала высокой, оригинальной культурой.

На Севере крестьянство, не знавшее крепостного права, сохраняло старинное народное творчество—словесное, живописное, архитектурное. Грамотность среди поморских крестьян была не в диковину, и неудивительно, что в родной деревне Ломоносов мог найти три лучших учебных и литературных произведения тогдашней России. Эти три книги, которые позднее Ломоносов полусерьезно, полуплутом называл воротами своей учености, были „Грамматика“ Мелетия Смотрицкого—свод филологической образованности того времени, „Арифметика“ Леонтия Магницкого — итог физико-математических знаний европейской науки XVII в. и „Псал-

тирь рифмотворная“ крупнейшего предшественника Ломоносова, поэта и ученого, Симеона Полоцкого. Таким образом, уже у себя на родине молодой Ломоносов начал усваивать лучшие достижения старой русской культуры. Но этот материал воспринимался и ассимилировался с первоначальным для него культурным пластом—северным вариантом русской культуры.

Если отбросить легенды, наслоившиеся вокруг биографии Ломоносова, то основные моменты его жизненного пути—следующие.

В 1730 г. он прибывает в Москву и, утаив свое крестьянское происхождение, закрывавшее ему доступ в школу, поступает в Славяно-Греко-Латинскую академию, единственное высшее учебное заведение в тогдашней России, основанное почти за полвека до того. В академии Ломоносов знакомится с итогами научной мысли допетровской, московской Руси, так как преобразования начала XVIII в. очень мало коснулись системы и характера преподавания в этом учебном заведении. Несмотря на то, что Славяно-Греко-Латинская академия была духовной школой и почти не включала в свой учебный план наук светских, Ломоносов все же с пользой про-

вел в ее стенах четыре года, превосходно усвоил латинский язык, а главное, познакомился с московским вариантом русской культуры и прочно овладел всеми лучшими его чертами.

Неудовлетворенный постановкой преподавания в Московской академии, в 1734—1735 г. он учится в единственном высшем учебном заведении тогдашней Украины, в Киево-Могилянской академии, не оправдавшей, впрочем, научных ожиданий пытливого студента. Пребывание Ломоносова в Киеве оказалось полезным и для него и для русской культуры: Ломоносов овладел украинским языком и получил отчетливое представление о третьем, южно-русском, украинском варианте общерусской культуры. Здесь же Ломоносов основательно знакомится с польским языком, что позволило ему впоследствии осознать культурную общность славянских народов.

Таким образом к моменту возвращения Ломоносова из Киева обратно в Москву он познакомился с тремя основными местными формами русской культуры, существовавшими в то время обособленно и не слившимися в одно, органическое целое. Ломоносов

сам еще не отдавал себе отчета в том, как опасно для русского народа такое отъединенное, самостоятельное существование отдельных, местных вариантов культуры, без единого синтезирующего начала.

В 1736 г. Академия Наук, студентом которой Ломоносов состоял с января того же года, отправила его и еще двух юношей в Германию для изучения горного дела, находившегося тогда в России еще в очень слабо развитом состоянии.

Обычно принято считать, что приезд в Германию, т. е. в „Европу“, оказал на Ломоносова решающее воздействие. Нет сомнения, что многое новое, увиденное Ломоносовым в Германии, представляло значительный шаг вперед по сравнению с тогдашней Россией и произвело на него впечатление. Но никак не следует забывать, что в то время Германия представляла наиболее отсталую часть Европы, что тысячелетие феодальной раздробленности Германии привело ее в жалкое состояние. Замечательную характеристику этого времени дал Энгельс в статье „Положение Германии“ (1845): „Это была одна гниющая и разлагающаяся масса. Никто не чувствовал себя хорошо. Ремесло, торговля, промышлен-

ность и земледелие доведены были до самых ничтожных размеров. Крестьяне, торговцы и ремесленники испытывали двойной гнет: кровавого правительства и плохого состояния торговли. Дворянство и князья находили, что их доходы, несмотря на то, что они все выжимали из своих подчиненных, не должны были отставать от их растущих расходов. Все было скверно, и в стране господствовало общее недовольство. Не было образования, средств воздействия на умы масс, свободы печати, общественного мнения, сколько-нибудь значительной торговли с другими странами; везде только мерзость и эгоизм, — весь парод был проникнут низким, раболепным, гнусным торгашеским духом. Все прогнило, колебалось, готово было рухнуть, и нельзя было даже надеяться на благотворную перемену, потому что в народе не было такой силы, которая могла бы смести разлагающиеся трупы отживших учреждений“ (Соч., т. V, стр. 6—7).

Таким образом не следует переоценивать роль Германии в формировании мировоззрения Ломоносова. Нельзя, конечно, предполагать, что Ломоносов с такой же отчетливостью, как Энгельс, представлял себе поло-

жение Германии, но с „низким, раболепным, гнусным торгашеским духом“ немецкого филистерства русский студент познакомился скоро и основательно возненавидел его. Если не считать кратковременного пребывания в Марбурге, где Ломоносов учился у выдающегося немецкого философа Хр. Вольфа, вовсе не похожего на обычных германских ученых того времени и постоянно преследуемого правительствами немецких княжеств, то бóльшую часть своей научной подготовки Ломоносову пришлось проходить под руководством типичного „торгаша от науки“, профессора Генкеля, омерзительной фигуры во всех отношениях. Из писем и последующих высказываний Ломоносова явствует, что он отнюдь не был ослеплен „Европой“ — Германией. Он умел, однако, уловить в немецкой культуре того периода черты, заимствованные и усвоенные из общеевропейской культуры, и черты немецкого самобытного происхождения. Положительно относясь к первым, Ломоносов критически и непримиримо оценивал так называемый „германский дух“, т. е. национальный эгоизм, высокомерно презрительное отношение, основанное на мнимом превосходстве немцев над славя-

нами, с одной стороны, и раболепно подобострастное отношение их к французам и англичанам. В особенности возмущал его „гнусный торгашеский дух“, царивший в Германии повсюду, даже в столь ценимой им науке.

За границей Ломоносов прекрасно овладел немецким, французским, итальянским, отчасти английским, испанским и португальским языками; занимался он также и древнееврейским языком. С помощью этих языков, а также универсального, международного тогда языка—латыни—он получил возможность ознакомиться с новейшими достижениями человеческой мысли и накопить огромные, разнообразные знания, а главное, развить свои гениальные способности экспериментатора и наблюдателя, ученого-философа, стремящегося осознать, обобщить полученный опыт. Вся эта напряженная работа, продолжавшаяся каких-нибудь пять лет, протекала в крайне неблагоприятных материальных и моральных условиях, среди лишений, недоеданий и, главное, в обстановке злобной травли со стороны узкого, тупого педанта, профессора Генкеля.

Наконец, Ломоносов закончил заграничное учение и вернулся на родину, умственно

и нравственно обогащенный. К тем русским вариантам культуры, с которыми он познакомился и которыми он жил до своей поездки за границу, Ломоносов присоединил еще понятие о культурах общечеловеческой и немецкой. При таких обстоятельствах у такого стройно-логически мыслящего человека, каким был Ломоносов, неизбежно должен был встать во весь рост вопрос о культуре его родного народа и культуре мировой. С этого времени он постоянно обращается к разрешению волнующей его проблемы.

В Россию Ломоносов вернулся, преисполненный твердой воли всеми силами способствовать росту русской науки, литературы, искусства. Его идеалом становится то, что позднее он сформулировал в гениальном двустишии:

Отечества умножить славу
И вящше укрепить державу.

Возвратившись в середине 1741 г. в Петербург, Ломоносов поступает на службу в Академию Наук и в течение 25 лет работает в полном смысле слова сверх человеческих сил: он и химик, и физик, и астроном, и политико-эконом, и металлург, и математик,

и географ, и историк, и лингвист, и историк литературы, и журналист, и поэт, и медик, и живописец, и теоретик науки и практик-за-водчик.

Ученый и поэт, художник и производственник, организатор учебных заведений и литератор, педагог и философ, Ломоносов прекрасно понимал, что во всех этих разнообразных и иногда далеких друг от друга сферах деятельности приносит пользу не только своим современникам, но и русской культуре вообще и в конечном счете—культуре человечества в целом.

Проблема соотношения между русской культурой и мировой всегда живо занимала Ломоносова. Надо при этом отметить, что самый термин „культура“ у него отсутствует, но в слово „наука“ или еще чаще „науки“ он вкладывал обобщающий смысл понятия „культура“. С другой стороны, литература, поэзия, по Ломоносову,—это „словесные науки“. Таким образом, говоря о „российских науках“, Ломоносов имел в виду не отдельные, несвязанные между собой, разрозненные отрасли человеческого знания, а внутренне-единую, целостную национальную культуру.

Возвращаясь неоднократно как в научных, так и в художественных произведениях к вопросу о насаждении и развитии наук в России, Ломоносов, естественно, не мог обойти вопрос о роли христианизации восточного славянства и о влиянии византийской культуры на старо-русскую. Придерживавшийся передовых философских воззрений своего времени, смотревший на церковь глазами просветителя XVIII в., Ломоносов не мог, конечно, решать вопрос о принятии христианства в X в. с позиций благонамеренной казенной науки. Он с исключительной оригинальностью и глубиной раскрывает огромное значение этого события как фактора, поднявшего славяно-русскую культуру на более высокую ступень и в то же время сблизившего ее с наследием классической античности. Таким образом в византийском влиянии на старо-русскую культуру Ломоносов видел не его застойно-консервативную сторону, а ощущал пронесенное через века освежающее дыхание эллинского гения.

Помимо вопроса об отношении к античной культуре в прошлом и к общеевропейской, мировой в настоящем, перед Ломоносовым стоял вопрос об отношениях новой русской

культуры к отдельным конкретным национальным культурам Запада. Решение, предлагавшееся Ломоносовым и вполне отвечающее историческим интересам русского народа, было таково: не подчиняться, не прилепиться к какой-либо одной культуре, а брать то, что представляет вклад в общеевропейскую, мировую.

Строительство новой русской культуры из своих вековых национальных традиций и из элементов культуры общеевропейской имело в те времена особенно большое значение. От того, сумеет ли русский народ в новых исторических условиях, в какие он был поставлен ходом событий в XVII—XVIII вв., а также своим географическим положением, развить свою собственную культуру, зависели самое существование народа, его самостоятельность. Ломоносов гениально постиг политический смысл создавшейся обстановки. Отсюда и проистекала его беспримерная, гигантская деятельность в самых разнообразных сферах — в науке, литературе, искусстве, педагогической и общественной областях.

Для современников и ближайших поколений конца XVIII—начала XIX в. эта огромная, всепоглощающая, лихорадочная деятель-

ность гениального ученого была, если не загадкой, то, во всяком случае, фактом одной только научной одаренности и пылкой любознательности Ломоносова. Даже от проницательного взора Пушкина была скрыта политическая, патриотическая сторона жизненного подвига его великого предшественника. „Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения, — писал о нем Пушкин. — Жажда науки была сильнейшей страстью сей души, исполненной страстей... Он все испытал и все проник“.

Только „Правда“ в передовой статье 18 ноября 1936 г. „Гениальный сын великого русского народа“ указала, что „Родина и наука были для него неразрывными понятиями“.

Как ни велики, как ни важны — теоретически и практически — замечательные открытия Ломоносова и прочие его труды, однако самое важное и делающее Ломоносова близким и понятным нашей эпохе, связывающее его непосредственно с нашей современностью — это то, что он любил науку не ради нее самой, а за её прикладной, не самодовлеющий, а практический характер, а за то, что

она может и должна улучшить жизнь его соотечественников:

| Науки пользуют везде,—

писал он, подчеркивая значение науки, и варьировал эту тему неоднократно и любовно. Науки важны и полезны потому, что способствуют развитию земледелия, торговли, промышленности, потому что могут и должны

Отечества умножить славу
И вящше укрепить державу.

Всю свою научную и литературную деятельность Ломоносов рассматривал поэтому как общественное служение. В одном из своих частных писем он писал: „За общую пользу, а особливо за утверждение наук в отечестве и против отца своего родного восстать за грех не ставлю“. В другом месте Ломоносов заявлял в стихах:

Для пользы общества коль радостно трудиться!

И глубоко прав был Чернышевский, говоря о великом патриотизме Ломоносова. Понимая патриотизм как „страстное, беспредельное желание блага родине, одушевляю-

щее всю жизнь, направляющее всю деятельность... человека“, Чернышевский указывал: „историческое значение каждого русского человека измеряется его заслугами родине, его человеческое достоинство—силою его патриотизма“. И на первом месте Чернышевский называет здесь имя Ломоносова

Не следует думать, что патриотизм Ломоносова сложился с самого начала и больше не подвергался изменениям, углублению и прояснению. На первых порах ему пришлось бороться с позорным неверием высших классов крепостнической России в духовные силы русского народа. Любопытно, что задолго до Ломоносова, почти за полвека до первых значительных высказываний его по этому поводу, выступил с такими же суждениями другой замечательный русский деятель, патриот—крестьянин, И. Т. Посошков, сочинения которого, кстати сказать, были сохранены для нашей науки Ломоносовым, отыскавшим их в 1752 г. Посошков, например, писал боярину Головину в 1701 г.: „У наших, государь, русских людей руки есть такие ж, что и у иноземцев... И иноземцы не от небеси пришли, но такие ж люди, яко и мы: всему тому навичка, да добрая расправа“. Он

убеждает Головина в том, что иноземцам „верить вельми опасно: не прямые они нам доброхоты, того ради и учению их не вельми надобно верить. Мню,—продолжает он,—что во всяком деле нас обманывают и ставят нас в совершенные дураки. А за благодатию Божиею,—с гордостью заключает Посошков,—у великого государя есть всяких людей разумных. Много немцы нас ушлее науками [т. е. опытнее в науках], а наши острою, по благодати Божией, не хуже их, а они ругают нас напрасно“. Но не только Головина приходилось Посошкову убеждать во вздорности мнения о превосходстве немцев. Через четверть века он жалуется,—на этот раз самому Петру,—что „в российских наших правителех [администрации] есть рассуждение... самое нездоровое, ибо русского человека ни во что ставят“.

Ломоносову приходилось полвека спустя после первых высказываний Посошкова продолжать борьбу с тем же „рассуждением самым нездравым“. Казалось бы, самый факт существования и научной и литературной деятельности Ломоносова мог быть наглядным опровержением созданного иностранцами и поддерживавшегося дворянскими верхами

представления о культурной отсталости и органической неспособности русского народа к науке. Чтобы сохранить это „рассуждение самое нездоровое“, крепостническая верхушка создала легенду о Ломоносове как гениальном исключении, как о чудесном „напряжении природы“. Но уже сам Ломоносов протестовал против такого понимания; он энергично хлопотал об открытии общедоступных для всех граждан гимназии и университета, „откуда, — как он писал, — могут произойти многочисленные Ломоносовы“. Он неустанно, настойчиво обращался и в стихах, и в прозе к русскому юношеству с призывом „итти в науку“ и заменить выписываемых из-за границы иностранных ученых, большей частью недоброжелательно относившихся к России и русским интересам. В противоположность аристократии, пресмыкавшейся перед иноземцами и иноземной культурой и презиравшей русский народ, Ломоносов глубоко верил в органическую, природную талантливость своих соплеменников. Он был убежден, что русские ничем не хуже иностранцев, что

Может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля раждать.

Таков был первый этап в формировании идей патриотизма у Ломоносова, характеризующийся тем, что гениальный поэт и ученый верил тогда в духовную равноценность русского народа, в его интеллектуальное равноправие с античными и европейскими народами, в его способность производить философов, подобных Платону, и ученых вроде Ньютона.

К концу своей жизни, видя вокруг себя даровитых и трудолюбивых молодых русских людей, работавших в качестве академиков, профессоров Московского университета и научных сотрудников Академии Наук, Ломоносов еще больше удостоверился в правильности своего взгляда на родной народ и еще выше стал ценить оригинальность русского национального гения. Но в это время его уже не удовлетворяло прежнее решение вопроса — о способности русского народа производить „российских Платонов и Невтонов“. Ломоносов понимает, что дело идет не о том, чтобы доказать, что мы ни в чем не уступаем другим культурным нациям, а в том, чтобы воспитать в своем народе самоуважение, чувство собственного достоинства и сознание своей безотносительной, взятой

вне сравнений, культуротворческой ценности.

В эти годы Ломоносов писал в черновых записках, обращаясь к своим согражданам: „Сами свой разум употребляйте. Меня за Аристотеля, Картезия, Невтона не почитайте. Ежели вы мне их имя дадите, то знайте, что вы — холопы, а моя слава падает и с вашею“. Смысл этой сжатой, как бы конспективной записи сводится к признанию Ломоносовым великого вклада русского народа в мировую культуру: не „российским“ Аристотелем, „российским“ Картезием (Декартом), „российским“ Ньютоном должно считать его, Ломоносова, а Ломоносовым, таким же полноправным и равноценным деятелем мировой науки и культуры, как перечисленные им мыслители и ученые античности и нового времени. В этой записи Ломоносов ополчается против холопского, рабского преклонения перед чужой культурой и перед вызывающей справедливое возмущение и негодование недооценкой своей собственной культуры. От подобной недооценки прежде всего могла бы пасть слава не только Ломоносова, но и всего русского народа. Так воспитывал Ломоносов в своем народе на-

циональное чувство, самоуважение и самосознание. С полным правом писал поэтому Ломоносов незадолго до своей смерти в записке, предназначенной для Екатерины: „Много я молчал, много снес, во многом уступал. За то терплю, что стараюсь защитить труд Петра Великого, чтобы выучились россияне, чтобы показали свое достоинство. Я не тужу о смерти: пожил, потерпел и знаю, что обо мне дети отечества [т. е. патриоты пожалеют“.

Но в высоком патриотическом чувстве Ломоносова не было ничего исключительного, ничего шовинистического. Ему, энтузиасту идеи культуры, была абсолютно чужда какая бы то ни было националистическая узость. Глубоким и всепроницающим гуманизмом проникнуты все его суждения в произведениях поэтических и научных; в особенности заметно это в его лирике.

В литературе допушкинского периода Ломоносов является фигурой самой замечательной и величественной. Уступая в силе непосредственного поэтического дарования стихийно-могучему Державину и в глубине революционного и философского пафоса—Радищеву, Ломоносов превосходил их обоих,

не говоря уже о прочих менее значительных писателях XVIII в., широтой своей энциклопедической эрудиции, гениальным чутьем языка и мощью ярко выраженной, неукротимой индивидуальности.

1. „Стихотворения Ломоносова,—писал Белинский,—носят на себе отпечаток гения. Правда, у него и в них ум преобладает над чувством, но это происходило не от чего иного, как от того, что жажда к знанию поглощала все существо его, была его господствующей страстью. Он всегда держал свою энергическую фантазию в крепкой узде холодного ума и не давал ей слишком разыгрываться... Он был рожден лириком, и звуки его лиры там, где он не стеснял себя системою, были стройны, высоки и величественны“.

Говоря о „стеснении системою“, Белинский несомненно имел в виду так называемую „придворную оду“, блистательным мастером которой был Ломоносов. Почти двухвековая традиция считает Ломоносова „певцом Елизаветы“, придворным одописцем чистейшей воды, русским вариантом западноевропейских льстивых дворцовых лириков. Конечно, Ломоносов был певцом монарха,

но не реальной Елизаветы, а идеального, с его точки зрения, просвещенно-абсолютистского монарха, осуществляющего политическую и социально-этическую программу самого Ломоносова.

Уже в первой оде, посвященной Елизавете (1742), Ломоносов заставляет „Ветхого деньми“, т. е. Бога, обратиться к императрице со следующими словами, которые как бы представляют инструкцию и декларацию:

Тобой поставлю суд правдивый,
Тобой сотру сердца кичливы,
Тобой я буду злость казнить,
Тобой заслугам мзду дарить...

В этой же оде намечается вторая важнейшая тема поэзии Ломоносова—его гуманистический культ мирного строительства:

Се царствует Елисавета,
Да мир подаст пределам света...

Мечи твои и копья вредны
Я в плуги и в серпы скую.
Разить не будет серный прах
Сквозь воздух, огонь и смерть в полках,
Но, озарив веселы ночи,
Восхитит зрящих дух и очи,—

говорит он, имея в виду широкое применение пороха („серного праха“) в пользова-

шемся большой популярностью в XVIII в. фейерверочном искусстве.

Эта „мирная“ тема многократно и многообразно проходит через творчество Ломоносова. Мир, „тишина“ для нашего поэта являются обязательными предпосылками счастливой жизни народов, и прежде всего крестьян, „ратаев“ и „земледелов“. Следует помнить, что крестьянская тема вообще была запретной в русской поэзии XVII—XVIII вв. Если не считать Ильи Копиевича-Копиевского, виршеписца петровских времен, в известном четверостишии зафиксировавшего с помощью библейской символики незыблемость социальных устоев крепостнического государства,

Хам пшеницу сеет,
Сим молитву деет,
Афет влас имеет,
Смерть всем владеет,—¹

то Ломоносов был едва ли не первым русским поэтом, введшим запретную тему в литературный обиход.

¹ Сыновья Ноя соответственно означают: Хам—крестьянство, Сим—духовенство, Афет—дворянство.

Уже в первой своей оде (1739) Ломоносов с радостью констатирует, что буджакские татары („казацких поль заднестрской тать“), наш старинный враг,

Разбит, прогнан, как прах развеян,
Не смеет больше уж топтать,
С пшеницей, где покой насеян...
Пастух стада гоняет в луг
И лесом без боязни ходит,
Пришед, овец пасет где друг,
С ним песню новую заводит,
Солдатску храбрость хвалит в ней
И жизни часть блажит своей,
И вечно тишины желает
Местам, где толь спокойно спит.

В другой оде (1742) Ломоносов рисует такую картину: Союз (мирное согласие народов) обращается к Войне с призывом: „перестань прекрасный век мрачить!“, и, перефразируя известный стих из пророка Исайи, говорит:

Мечи твои и копыя вредны
Я в плуги и серпы скую;
Пребудут все поля безвредны,
Отвергнув люту власть твою.
На месте брани и раздора
Свои цветы рассыплет Флора.

В оде 1748 г. Ломоносов излагает свои задушевные желания:

...Ратай в поле безмятежно
Сторичный да собирает плод.

Но „крестьянская тема“ разрабатывается Ломоносовым не только, так сказать, с производственной стороны. Задолго до Карамзина, которому приписывается честь выдвижения тезиса, что „и крестьянки любить умеют“, Ломоносов говорил о психологическом равенстве городских красавиц и „сельских нимф“—крестьянских девушек. В знаменитом „Письме о пользе стекла“, набросав кистью умелого живописца картину туалета городской красавицы перед стеклянным зеркалом и украшение ее „горящими алмазами“ и возвращенными в оранжереях („под стеклом“) цветами, Ломоносов рисует другую картину:

Но в чем красуетесь, о сельски Нимфы, вы?
Природа в вас любовь подобную вложила,
Желанья нежны в вас подобна движет сила.
Вы так же украшать желаете себя.
За тем прохладные поля свои любя,
Вы рвете розы в них, вы рвете в них лилен,
Кладете их на грудь и вяжете круг шеи.
Таков убор дает вам нежная весна!

И далее Ломоносов спрашивает у крестьянских девушек, чем они украшаются „в другие времена“, зимою,

Когда, лишась цветов, поля у вас бледнеют,
Или снегами вокруг глубокими белеют.

Как свеж этот, в двух строчках набросанный пейзаж, не вообще пейзаж, а северный, русский, реальный!

Указав затем, что, взамен цветов, зимой „сельски нимфы“ украшаются бисером, Ломоносов, несомненно не из литературной моды, не из необходимости следовать „правилам идиллии“, а вполне искренно и даже трогательно продолжает:

Любовников он [бисер] к вам не меньше привлекает,
Как блещущий алмаз богатых уязвляет,
Или еще на вас в нем больше красота,
Когда любезная в вас светит простота!

Каким высоким и теплым гуманизмом проникнуты эти и другие стихи Ломоносова, посвященные „крестьянской теме“. И совершенно понятно, почему он так настойчиво и систематично пропагандировал мысль о необходимости создать благоприятные условия для плодотворного развития крестьянства,

первым из которых является „мир“, „тишина“.

Но эпоха, на которую приходится развитие Ломоносова как ученого, философа и поэта (вторая треть XVIII в.), была полна частых, тяжелых, сменяющих одна другую войн. Для Ломоносова, со студенческих лет поставившего своей жизненной задачей строительство подлинно народной русской культуры, продолжающей основные национальные исторические традиции и органически перерабатывающей критически усваиваемые итоги европейской цивилизации, мирное строительство, расцвет наук, искусств, промышленности, земледелия представлялись как истинная цель существования каждого народа. Однако осуществлению ломоносовского идеала культурного преуспевания его родины мешали бесконечные войны тогдашней Европы, втягивавшие в свою орбиту и Россию. Ему, убежденному и красноречивому певцу мира, тишины, покоя, приходилось очень часто откликаться на темы военные, рисовать батальные картины, истолковывать внешнеполитические события, чтобы дать своим читателям правильное представление о позиции России в тот или иной момент. Против-

ник завоевательных, захватнических войн Ломоносов признавал войны справедливыми, которые ведутся для защиты своей страны для обеспечения нормальной экономической и культурной жизни своего народа.

Уже в первой своей большой оде „На победу над турками и татарами и на взятие Хотина в 1739 г.“ Ломоносов блестяще характеризует патриотическое одушевление наших воинов:

- Крепит отечества любовь
Сынов российских дух и руку;
Желает всяк пролить всю кровь,
От грозного бодрится звуку.
Как сильный лев стада волков,
Что кажут острый яд зубов,
Очей горящих гонит страхом.
От реву лес и брег дрожит,
И хвост песок и пыль мутит,
Разит, извившись сильным махом.

Патриотической доблести русских воинов Ломоносов посвящает немало места и во многих других произведениях:

Россиян храбрость где не явна?—

спрашивает он в оде 1741 г. Смелость, решительность и бесстрашную готовность на-

ших бойцов в разительных стихах изображает Ломоносов в другой оде 1741 г.:

Подобно быстрой как сокол
С руки ловцовой в верх и в дол
Бодро взирает скорым оком,
На всякий час взлететь готов,
Похитить, где увидит, лов
В воздушном царстве свой широком,
Врагов так смотрит наш солдат,
Врагов, что вечной мир попрали,
Врагов, что наш покой смущали,
Врагов, что нас пожрать хотят.

Какие бы сражения, трудные, кровавые и грозящие гибелью, ни изображала пламенная кисть художника, живописца слова, Ломоносова, он всегда, на всем протяжении истории видит, что

Россиян твердо грудь стояла,
И слава их во мгле блистала.

Слава храбрых воинов в понимании Ломоносова—это справедливая награда, это историческое завершение благородных дел народа, а не суетная похвала минутных успехов:

Герои храбры и усерды,
Которым Промысл положил
Приять намерения тверды

Противу незаконных сил,
В защиту нашей Героине,
Красуйтесь, веселитесь ныне:
На вас лавровые венцы
В несчётны веки не увянут,
Доколе Россы не престанут
Греметь в подсолнечной концы.

И совершенно понятно, что при таком взгляде Ломоносова на историческую роль воинства в отстаивании свободы, чести и независимости своей родины у него складывается высокое представление об ответственности каждого гражданина перед судьбой своего народа, своей страны, представление об историчности каждого подлинного патриота своей родины,—идея, которая с особой глубиной, художественной убедительностью и гениальной поэтичностью будет потом развита Пушкиным. Но уже Ломоносов, предвосхищая Пушкина и Горького с его культом гордого человека-борца, восклицает:

Какая польза тем, кто в старости глубокой
И в тьме бесславия кончают долгой век?
Добротами всходить на верьх хвалы высокой
И славно умереть родился человек!

Таким образом Ломоносов становится не только певцом мирного строительства, но и

славного, героического человека. Он находит в своем поистине пламенном воображении поразительные, полные динамичности, яркости и силы картины сражений. Изображения боя довольно часты у Ломоносова, у него, непревзойденного мастера словесной батальной живописи,—впрочем, не только словесной: вспомним его знаменитую мозаическую „Полтавскую баталию“, украшающую вестибюль главного здания Ленинградского отделения Академии Наук СССР,—у него поэта-баталиста учился Пушкин, когда писал картину Полтавского боя в поэме „Полтава“. Но самой замечательной картиной боя бесспорно должно признать ту, которая является центральной частью оды 1742 г. „На прибытие императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург по коронации“. Здесь Ломоносов, изображая битву русских со шведами, или, как он называет их на ученый лад, готфами, достигает предельной яркости и выразительности:

Уже и морем и землю
Российско воинство течет,
И сильной крепостью своею
За лес и реки готфов жмет.
Огня ревущего удары

И свист от ядр летящих ярый
Сгущенный дымом воздух рвут
И тяжких гор сердца трясут.
Уже мрачится свет полдневный,
Повсюду вид и слух плачевный.
Там кони бурными ногами
Взвивают к небу прах густой.
Там смерть меж готфскими полками
Бежит, ярься, из строя в строй,
И алчну челюсть отверзает,
И хладны руки простирает,
Их гордый исторгая дух.
Там тысячи валяются вдруг.
Но если хочешь видеть ясно,
Коль Росско воинство ужасно;
Взойди на брег крутой высоко,
Где кончится землею Поинт,
Простри свое чрез воды око,
Коль много обнял горизонт;
Внимай, как юг пучину давит,
С песком мутит, зыбь на зыбь ставит,
Касается морскому дну,
На сушу гонит глубину
И с морем дождь и град мешаает:
Так Росс противных низлагает.
Как ежели на римлян злился
Плутон, являя гнев и власть,
И если Град тому чудился,
Что Курций, видя мрачну пасть,
Презрел и младость и породу.
Погиб за Римскую свободу
С разъезду в оную скочив,
То, ей! Квириты, Марк ваш жив
Во всяком Россе, что без страху

Через огонь и ров течет с размаху.
Всяк мнит, что равен он Алкиду,
И что немейским львом покрыт
Или, ужасную Егиду
Нося, врагов своих страшит;
Пронзает, рвет и рассекает,
Противных силу презирает,
Смесившись с прахом, кровь кипит;
Здесь шлем с главой, там труп лежит;
Там меч с рукой отбит валится.
Толь злоба жестоко казнится!

И эту потрясающую своей живостью и грандиозностью картину сухопутного и морского сражения Ломоносов заканчивает обращением к ведущим завоевательную политику народам с предупреждением о неизбежности исторической справедливости, которая у Ломоносова, в соответствии с философско-деистическими воззрениями эпохи, еще имеет религиозное выражение при реально-историческом содержании:

Народы, ныне научитесь,
Смотря на страшну гордых казнь,
Союзы разрушать блюдитесь,
Храните искренню приязнь;
На множество не уповайте
И тем небес не раздражайте:
Мечи, щиты и крепость стен
Пред божьим гневом гниль и тлен.

Но обращение Ломоносова естественно не оказало никакого влияния на соседней России. Через 15 лет после написания Ломоносовым только что цитированной оды началась Семилетняя война, в которой России пришлось защищать свои права и территорию от посягательств прусского короля Фридриха II. Некогда славившийся в Европе своим интересом к философии и литературе и тем импонировавший гуманисту Ломоносову, Фридрих вероломно начинает войну. Ломоносов пишет сильное и умное стихотворение, начинающееся словами: „Монарх и философ“. Дав умелую и четкую характеристику Фридриха, Ломоносов завершает стихотворение следующим обращением:

Несчастливый монарх! Ты лишен в свете жий,
В минуту стал лишен премудрости и славы.
Необузданного гиганта зрю в тебе,
Что хочет отворить путь пламенем себе,
Что грабит города и пустошит державы,
Священный топчет суд народов и царей,
Ничтожит силу прав, грубит натуре всей.

Необходимо вдуматься в только что прочтенный отрывок; это может оказаться небезинтересным для сопоставления характеристики Фридриха II, столь возносимого фаши-

стами, с этими его идейными потомками. Называя Фридриха „несчастливым монархом“, Ломоносов объясняет это определение тем, что прусский король вступил на путь захватнической, вероломной политики (отворил себе путь пламенем, грабит города, опустошает государства), что он нарушает международные обязательства („священный топчет суд народов и царей“), пренебрегает вековыми традициями в области международного права („ничтожит силу прав“), что в целом он поступает противно законам естества, законам нормальных человеческих отношений („губит натуре всей“). Как поразительно много общего в этом перечне нарушений Фридрихом общепринятых и общепризнанных норм человеческого поведения с политикой фашистских головорезов, так же, как и Фридрих, презревших этику международных отношений!

В ряде од конца 1750-х—начала 1760-х годов Ломоносов подробно и картинно изображает ход дальнейших военных событий Семилетней войны, принявшей столь позорный оборот для кичливого прусского завоевателя. Ломоносов в связи со взятием нашими войсками Кенигсберга вспоминает самоуверенные

и хвастливые заверения Фридриха, столь похожие на недавние геббельсовские разговоры о „восточном вале“:

Где ныне королевско слово,
Что страшно воинство готово
На Запад путь наш прекратить?

И далее, вспоминая старинное славянское название реки Прегель, столь знакомое нам по последним сводкам о штурме Кенигсберга, Ломоносов продолжает:

Уже окровавленна Прегла,
Крутясь, в земли твоей пробегла
Российску славу возвестить.

Затем наш поэт характеризует положение в Пруссии после падения Кенигсберга и Мемеля (ныне Клайпеда):

За Вислой и за Вартой грады
Падения или отрады
От воли Росской власти ждут.

И далее, указывая, что раскаты русских пушек, или, как говорит Ломоносов в высоком поэтическом стиле, русские перуны, приводят в замешательство столицу Фридриха,

поэт, словно перенесясь в наши дни, констатирует, что

Сердце гордого Берлина,
Неистового исполина,
Перуны, близ грома, трясут.

Ломоносов вспоминает далее упорные попытки Фридриха, „необузданного гиганта“, как называет его наш поэт, уйти от исторической расплаты:

Еще не допустя до року,
С отвагой сопрягшись, талан
Гиганту проложили сроку,
Дабы ему умножить ран.
Цорндорфские пески глубоки,
Его и нашей крови токи,
Соединясь, кипели в вас!

Отметив с гордостью, что

Нам правда отдает победу,

Ломоносов продолжает:

Но враг такого после вреду
Еще дерзает против нас.

Но для храбрых русских воинов нет никаких преград, ни созданных природой, ни военными уловками Фридриха:

Ни польские леса глубоки,
Ни горы шлонские высоки
В защиту не стоят врагам;
Напрасно путь нам возбраняют:
Российски стóпы досягают
Через трупы к Франкфуртским стенам.

С законной патриотической гордостью поэт радостно отмечает, что

С трофея на трофей ступая,
Геройство Русское спешит.

Попытка Фридриха предотвратить штурм своей столицы и произвести контрнаступление разбилась о мужество нашей армии,— Фридрих был разбит, и его войска обратились в постыдное бегство:

Бегущих горды пруссов плечи
И обращенные хребты
Подвержены кровавой сечи.
Главы валяются, как листы.
Теперь с готовыми трубами
Перед Берлинскими вратами
Победы нашей дайте звук,
Что ваш король, полки, снаряды
Не могут вам подать отрады,
Рассыпаны от наших рук.

Поэт обращается далее к фельдмаршалу Салтыкову, победителю Фридриха:

О честь Российского народа,
В дни наши воинов пример,
Что силой первого похода
Двукратно сопостатов стер!
Тебе тот лавры уступает,
Кто прочим храбро исторгает,—

говорит Ломоносов, имея в виду прежнюю военную славу и военную удачу Фридриха,—

Кто вне привыкнул побеждать,
При двéрях дом свой защищая
И крайни силы напрягая,
Не мог против тебя стоять.

В другом месте, в написанном в тот же год стихотворении, в котором Елизавета приглашалась Ломоносовым продолжать реализацию намеченного им плана культурного развития России, наш поэт попутно вспоминает:

Теперь Германия, войной возмущена,
Рыдания и слез, и ужаса полна.

Ломоносов с удовлетворением констатирует, обращаясь к Елизавете, что

Рушитель знания, свирепой брани звук,
Под скипетром твоим защитник стал наук,
Что выше мнения сквозь дым, сквозь прах восходят,
Их к удивлению, нас к радости приводят.

Еще раз обращается Ломоносов к историческому анализу современной ему исторической действительности в оде 1761 г. Он поэт-гуманист, идейный противник завоевательных, хищнических войн, не может же закрыть глаза на реальные факты истории; он пишет:

Необходимая судьба
Во всех народах положила,
Дабы военная труба
Унылых к бодрости будила,
Чтоб в недрах мягкой тишины
Не зацвели, водам равны,
Что, вдруг защищены горами,
Дубравой, неподвижны спят,
И под ленивыми листьями
Презренной производят яд.
Война плоды свои растит,
Героев в мир раждает славных,
Обширных областей есть щит,
Могущество крепит Державных.

От этих общих положений о роли оборонительных войн, войн, вызывающих патриотический героизм защитников родины, наш поэт предлагает обратиться к русскому прошлому, к славным традициям доблести:

Воззрим на древни времена:
Российска повесть тем полна,

Уже из тьмы на свет выходит
За ней великих полк мужей,
Что на театр всесветный взводит
Одетых солнечной зарей.

Поэт последовательно характеризует воинские заслуги Святослава, Владимира Красного Солнышка, Владимира Мономаха, Александра Невского, Дмитрия Донского, Иванов III и IV, Алексея Михайловича и, наконец, обожаемого Ломоносовым великого Петра. Далее Ломоносов вновь обращается к событиям Семилетней войны и в великолепной, классической по своей насыщенности и сжатости строфе дает историю этой плачевной для Фридриха авантюры, этой славной страницы нашего военного прошлого: .

Посмотрим в Западные страны:
От стрел Российския Дианы [т. е. Елизаветы]
Из превеликой вышины
Стремглавно падают титаны:
Ты, Мемель, Франкфурт и Кистрин,
Ты, Швейдниц, Кенигсберг, Берлин,
Ты, звук летающего строя,
Ты, Шпроя, хитрая река,—
Спросите своего Героя:
Что может Русская рука.

В другом месте, сравнив Пруссию с утопающим пловцом, Ломоносов пишет:

Германия сему подобно
По собственной крови плышет,
Во время смутно, не способно
Конца своих не видит бед.

Нет необходимости приводить другие отрывки из од и поэм Ломоносова, изображающих положение Германии и поразительно близких нашей современности. Но нельзя обойти молчанием следующее превосходное место в оде 1762 г., обращенной к кратко-временно царствовавшему и, не оправдавшему ожиданий поэта Петру III. Это место кажется написанным не 183 года назад, а буквально сегодня:

Европа ныне восхищенна,
Внимая, смотрит на Восток
И ожидает изумленна,
Какой определит ей рок.
То видит зрак твой пред полками,
Подобный Марсу меж врагами,
То представляет общий пир.
Отрады ради утомленных,
Избавы ради раззоренных,
Тобою обновленный мир.

Итак, мы видим, что поэт, смерть которого отдалена от нас 180 годами, оказывается отнюдь не музейной окаменелостью, не ма-

териалом для одних только кабинетных ученых или чудаковатых любителей антиквитетов. Как и всякий великий поэт, он близок людям во все времена, а в наши дни он ощущается как наш современник, пусть не всегда и не во всем совпадающий с нами во взглядах, но всегда глубокий, искренний и пламенный патриот.

Нельзя также не подчеркнуть, что и в этих своих „военных“ стихотворениях Ломоносов остается верен своим гуманистическим принципам. Он, органический противник всякого насилия, признает войну, потому что она

Науки с вольностью от рабства защищает.

И неудивительно, что цитированное выше место из оды 1761 г., где коротко дана история Семилетней войны, наш поэт сопровождает следующей благородной и трогательной строфой:

Великая Елисавет
И силу кажет и державу,
Но в сердце держит сей совет:
Размножить миром нашу славу
И выше, как военной звук,
Поставить красоту наук.

По мне, хотя б руно златое
Я мог, как Язон, получить,
То Музам, для житья в покое,
Не усумнелся подарить!

Мы имеем полное право гордиться и с благодарностью вспоминать в 180-летнюю годовщину смерти Ломоносова этого благородного человека, этого великого поэта, патриота, гуманиста.

Но не только своим гуманизмом и патриотизмом близок и дорог нам Ломоносов. Его жизненный путь при всей его индивидуальной неповторимости был в то же самое время и в высшей степени типичен и многозначителен. Не случайно в цитированном выше письме Ломоносов выразил уверенность, что из академической гимназии „имеют произойти многочисленные Ломоносовы“,—он чувствовал и понимал, что уже нарождается, уже родился новый русский человек, не старомосковский аскетически-византийского склада человек, а активный, волевой, образованный деятель обновленной Петром России. Трудно—за отсутствием положительных данных—утверждать, ощущал ли Ломоносов самого себя таким новым человеком, но этот субъективный момент не так уж важен—главное..

Ломоносов на деле был таким новым русским человеком.

Восприняв из европейской науки наиболее ценные результаты философской мысли, Ломоносов продолжает самостоятельно и с новаторской смелостью углублять и развивать эти философские идеи, преимущественно в применении к особенно занимавшим его физике и химии. Его философская позиция может быть определена как стремление к научному материализму. Ломоносов ровно двести лет назад формулирует закон сохранения материи; он выдвигает, опережая более чем на столетие европейскую науку, идею физической химии. Один из первых среди ученых всего мира, Ломоносов организует химическую лабораторию, где изо дня в день ведет систематические опыты, описание которых немедленно заносится им в специальные журналы, дошедшие до нас и недавно опубликованные.

Ломоносов провел огромную исследовательскую работу в области оптического приборостроения и внес много нового в изготовление телескопов, перископов и фотометров. Совсем недавно наша наука признала справедливость принципов предложенного

Ломоносовым никтоскопа, или ночезрительной трубки. Также совсем недавно выяснилось, что „чудесная машина“ — гликоцетер, которой, по видимому, предстоит вскоре заменить самолеты, была в основных чертах намечена Ломоносовым в 1754 г. В своей мозаичной мастерской он провел тысячи пробных плавок цветного стекла, осуществил компановку громадных мозаичных картин.

Лежавшие десятки лет в архивах многочисленные рукописи научных работ Ломоносова только в наше время были извлечены, опубликованы и стали доступны специалистам в различных областях знания.

Сейчас выясняется, что пытливая и гениально-обобщающая мысль Ломоносова проникала в области, едва только намечавшиеся в науке его времени.

Анализ химических и оптических записок Ломоносова, сделанный несколько лет назад акад. С. И. Вавиловым, показал, что в лице Ломоносова мы имеем „замечательного оптика, мыслителя и теоретика в этой области и, вместе с тем, неустанного оригинального конструктора“.

Ломоносов — не только физик и химик, не только оптик и изобретатель-конструктор.

Буквально ни одной области современной ему науки не оставил Ломоносов без своего внимания—и астрономию, и геологию, и металлургию, и метеорологию, и астрофизику, и социальную гигиену и т. д. Его привлекают политическая экономия и проблемы международного права. В 1750-х годах Ломоносов первый выдвигает мысль об экономической географии и даже применяет самый термин, попутно развивая идею об „экономическом лексиконе“.

Трудно представить себе все разнообразие интересов этой универсальной личности. О некоторых замыслах его мы узнаем сейчас из черновых записей Ломоносова, дошедших до наших дней. Такова, например, следующая программа предположенных работ: „1) О сохранении и размножении народов. 2) О истреблении праздности. 3) О исправлении нравов и о просвещении. 4) О умножении внутреннего изобилия. 5) О купечестве [т. е. о торговле], особливо с внешними народами. 6) О ремесленных делах и художествах. 7) О государственной экономии. 8) О сохранении военного искусства и храбрости во время долговременного мира. Ориентальная Академия. О лесах. Экономическая география.

Олимпийские игры. Истребление расколов.
Экономическая ландкарта. Праздность показывать по местам и по персонам“.

Не оставляет вне поля своего зрения Ломоносов и истории.

Здесь Ломоносов использует и данные этнографии, и материалы археографические, и факты филологические. Он заботится о собирании памятников старого русского искусства.

Как историк, Ломоносов подвергся наибольшим нападкам со стороны позднейших исследователей за „необъективность“, „ненаучность“ его исторических трудов. Но непредвзятое и внимательное изучение материалов позволило нашему современнику, акад. Б. Д. Грекову установить наличие в исторических работах Ломоносова положений, смыкающихся в ряде важнейших вопросов с принятыми сейчас в исторической науке взглядами.

Во всей своей научной деятельности Ломоносов в Академии ведет непримиримую борьбу с устаревшими реакционными взглядами, которые исходили главным образом от немецких „торгашей от науки“, пробравшихся сюда.

Есть еще одна характерная черта в личности Ломоносова, сближающая его с нашей эпохой,—это его гордость и независимость, то, что он сам называет—впрочем не в отношении самого себя—„благородной упрямкой“. Остро ощущая в дворянско-крепостническом государстве свою социальную приниженность, наш поэт неоднократно возвращается к вопросу о своем „низком“ происхождении. С явным сочувствием он переводит, как бы применяя к себе, „Памятник“ Горация и заставляет римского поэта произнести следующие гордые слова:

Отечество мое молчать не будет,
Что мне беззнатный род препятством не был,
Чтоб вносить в Италию стихи Еольски
И первому звенеть Алцейской лирой.

В „Стихах, сочиненных по дороге в Петергоф“, куда сочинитель в 1761 г. ехал просить Елизавету о подписании привилегии для Академии, „быв много раз прежде за тем же“, Ломоносов прибавляет к переведенному из Анакреона стихотворению „Кузнечик“ две строки, проникнутые горечью и отчаянием патриота, чувствующего свою беспомощность в борьбе с косностью царской правитель-

ственной системы. Обращаясь к куночику, поэт завидует ему по следующей причине:

Что видишь, все твое, везде в своем дому,
Не просишь ни о чем, не должен никому.

Его независимый, прямой характер создал ему немало врагов. Однажды у Ломоносова вышло столкновение с покровительствовавшим ему всемогущим фаворитом Елизаветы, И. И. Шуваловым, и тот пригрозил ему, что отставит его от Академии. „Нет,—отвечал Ломоносов,—разве Академию от меня отставят“... В другой раз его оскорбил вельможа Строганов, уколотив его крестьянским происхождением. Ломоносов хотел вызвать его на дуэль, но потом писал по этому поводу в одном письме: „Только хочу искать способа и места, где бы чем реже, тем лучше видеть было персон высокородных, которые мне низкою природою попрекают, видя меня как бельмо на глазе“.

Наконец, следует напомнить замечательные слова Ломоносова в письме к рассердившему его меценату Шувалову: „Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже

у самого Господа Бога, который дал мне смысл, пока разве отнимет“.

Громадное чувство собственного достоинства, сознание своей социальной значимости, гордость и независимость в отношении с заправилами „чиновниче-дворянской монархии XVIII в.“ (Ленин, XV, '83)—вот, что характеризует выходца из общественных низов тогдашней России, сына поморского крестьянина Ломоносова.

Это чувство собственного достоинства проистекало у Ломоносова не из надутого и беспочвенного самомнения, а было результатом глубокого понимания важности творимых им культурных ценностей. К числу последних относилось и его прогрессивное служение родной литературе.

В одной из своих статей Ломоносов затронул вопрос о задачах литературы. И вот, в век дилетантскому, барскому отношению к поэзии как к забаве, как к приятному занятию в часы безделья, Ломоносов противопоставил свое глубоко отличное и принципиальное понимание: „В безделицах,—пишет он, повторяя мысль Цицерона,—я стихотворца не вижу, в обществе гражданина [т. е. гражданином] видеть его хочу, перстом измеряю-

щего пороки людские". Ставя такие серьезные и важные задачи перед искусством, Ломоносов хорошо понимал, что для осуществления их необходимо, прежде всего, дать писателям глубокую и всестороннюю подготовку, сделать их людьми, стоящими на уровне современной им культуры, хорошо знающими историю и современность и основательно размышляющими над нравственными вопросами.

Вместе с тем Ломоносов понимал, что писателю нужно хорошо знать и „орудие его производства“, язык, на котором он пишет. Ломоносов сочиняет первую большую русскую грамматику, пишет руководство по риторике, создает предпосылки нового русского литературного языка. Он не боится введения в русский обиход имеющих общеевропейское употребление слов греко-латинского происхождения вроде атмосфера, барометр, литература, эрудиция и т. д. Вместе с тем, он широко использует и словарный запас старого русского литературного языка, церковного. Но делает он это без фетишизма по отношению к славянскому языку, а лишь понимая его важное значение для создания русской литературной речи,

Любовь Ломоносова, этого постоянного труженика, этого ученого бедняка, у которого, как передавал Пушкин со слов какой-то современницы Ломоносова, не было даже собственного кофейника и приходилось занимать его у соседей, любовь Ломоносова к наукам и искусствам носила какой-то трогательный характер:

По мне, хотя б руно златое
Я мог, как Язон, получить,
То б музам, для житья в покое,
Не усумиелся подарить.

„Низкородному“ плебею Ломоносову (его первый биограф, акад. Штелин, отмечает „его образ жизни, свойственный всем плебейам“) приходилось на каждом шагу сталкиваться в чиновничье-дворянской монархии с недоброжелательством представителей господствующего класса, с тупостью и неприязнью носителей государственной власти. Елизавета ничем особенным своего „благоволения“ к Ломоносову не выразила. Екатерина II относилась к нему явно враждебно; вступив на престол, она сразу подписала отставку Ломоносова из Академии Наук и хотя через некоторое время отменила ее, повиди-

тому, под влиянием общественного мнения, но и в дальнейшем не изменила своего отношения к великому ученому, не удовлетворяла его научно-организационных требований и т. д.

Когда в день смерти Ломоносова его почитатель, писатель С. Порошин, бывший воспитателем наследника престола, будущего Павла I, в то время одиннадцатилетнего мальчика, сообщил ему о том, что Ломоносов умер, Павел, по всей вероятности отражая мнение Екатерины, сказал несколько мерзких слов, с горечью записанных Порошиным: „хорошо, что этот дурак умер, больше не будет разорять казны“.

Положение Ломоносова в такой обстановке было трагическое. Великий ученый понимал, что не он один испытывает такое унижение, что весь русский народ, за исключением кучки придворных аристократов и дворянского слоя, находится в таком состоянии угнетения и унижения. В упомянутой выше записке Екатерине, надо полагать относящейся ко времени отставки, после цитированных слов о том, что дети отечества о нем пожалеют, Ломоносов писал: „Ежели не пресечете, великая восстанет буря“. Это было

написано за десять лет до восстания Пугачева. Но говоря о близящейся буре, Ломоносов, конечно, имел в виду нечто более широкое и значительное по последствиям, нежели пугачевское движение.

Непосильный даже для его крепкого организма труд, а главное бесконечные преследования со стороны немецких заправил тогдашней Академии, враждебность правительства—все это привело к тому, что на 54-м году жизни, 15 апреля 1765 г. в расцвете творческих сил и замыслов, среди гениально задуманных работ и далеко опережающих современную ему науку начинаний Ломоносов умер.

Но не умерло его дело, не погибли его великие и благородные труды и идеи. Научная и литературная деятельность Ломоносова—не только свидетельство высокой зрелости и глубины русской культуры, не только блистательный документ, гласящий о том, с каким идейным богатством вступил русский народ в мировую культуру. Это огромной силы воспитательный материал, укрепляющий лучшие стороны народной души—сознание своей нравственной правоты, своей моральной силы, своей ответственности перед будущими

поколениями, перед человечеством, перед
нелицеприятной историей.

Советским людям дороги подлинная культура, высокое нравственное благородство, глубокий патриотизм и искренний гуманизм, пламенная фантазия, широкий и ясный ум, сильная и верно направленная воля, так гармонически, так органически сошедшие в гениальном сыне великого русского народа — Ломоносове.
